

1
РАЗВЕДСВОДКА

Балканы.
Обстановка в
Константинополе

2
**ДОКЛАД МИНИСТРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ**

Прогнозы.
Статус и перспективы

3
ЗАПИСКА ГЕНШТАБА

Операция «Царьград»
План действий

4
**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ОБЗОР**

Финансы и война.
Парадоксы ресурсов

5
**ДОКЛАД МОРСКОГО
МИНИСТРА**

Флот. Проплыть.
Господство на Черном море

6
**СВОДКА ОТ
АТТАШЕ В ПАРИЖЕ**

Мнения союзников.
Сомнения и расчёты

7
ЗАПИСКА ОХРАНКИ

Внутреннее положение.
Угрозы и настроения

8
**ПЕРЕХВАЧЕННАЯ
ТЕЛЕГРАММА**

Коды. Шифры.
Иные померення

РУССКОЕ СЛОВО

ВОЙНА ДО ПОБЕДНОГО КОНЦА!

Да здравствует
Единая и Неделимая
Российская Империя!

«РОССИЯ НЕ ПРОСИТ —
РОССИЯ БЕРЁТ СВОЁ.
ВО ИМЯ ИМПЕРИИ,
ВО ИМЯ БУДУЩЕГО.»

— Николай Романов

РОССИЙСКАЯ
ИМПЕРИЯ

ЧЕРНОЕ
МОРЕ

МЕМОРАНДУМ
Сов. Свед. 13 марта 1917 г.

АИ, НИКОЛАЙ II

версия 4

МАКСИМОВИЧ ЖЕЛЬКО

Желько Максимович
АИ, Николай 2 версия 4

«Автор»

2026

Максимович Ж.

АИ, Николай 2 версия 4 / Ж. Максимович — «Автор», 2026

Март 1917 года. Российская империя на пороге коллапса. Полковник Пётр Аркадьевич Ланской входит в кабинет Государя с запиской, которая изменит всё. В той реальности, которую мы знаем, Империя рухнула через несколько месяцев. В этой — она выстояла. И не просто выстояла — выиграла Великую войну. К 1920 году русский флаг развевается над Босфором. Проливы взяты. Константинополь — под русским контролем. Но победа — это не конец истории. Это её начало. Роман о столетии, которого не было. Восемь документов, восемь голосов из альтернативной реальности, где Российская империя не пала в 1917-м, а стала сверхдержавой — и тут же столкнулась с новой войной, ещё более страшной, чем первая.

© Максимович Ж., 2026

© Автор, 2026

Желько Максимович

АИ, Николай 2 версия 4

ПРОЛИВЫ

«Мы взяли проливы. Союзники взяли нас за горло. Так началась война, которую никто не объявлял, никто не выиграл, и никто не закончил — мы просто заморозили её на полвека, назвав это миром».

— Из мемуаров генерал-фельдмаршала графа Шувалова, 1962 г. Альтернативная реальность.

Стратегическая карта: мир накануне

1920 год. Российская империя выходит из Великой войны победительницей. Босфор и Дарданеллы — под русским контролем. Константинополь — демилитаризованная зона под совместным управлением России, Британии и Франции, но русский флаг над проливами — реальность.

1920–1938 гг. Империя переживает бурный рост. Реформы Николая II — ответственное министерство, земельная реформа, промышленная модернизация — выводят экономику на второе место в мире после США. Британия и Франция с тревогой наблюдают за усилением восточного гиганта.

1938 год. Лондон и Париж заключают тайный пакт с Японией и Турцией. Цель: выдавливание России из Средиземноморья и с Дальнего Востока.

1940 год. Начинается война. Антанта (Британия, Франция, Япония, Турция, Италия) при негласной поддержке США — против Русско-Германского союза. Война без формального объявления: серия прокси-конфликтов, морских блокад и молниеносных кампаний.

1940–1948 гг. Боевые действия на четырёх театрах: Проливы, Балтика, Дальний Восток, Персия. Ни одна сторона не добивается решающего перевеса.

1948 год. Женевское перемирие. Проливы остаются за Россией. Границы заморожены. Начинается Холодная война иной конфигурации: не США против СССР, а Западный пан-регион против Русско-Германского блока.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Государь Император Николай Александрович (1868–1952)

К началу войны — 72 года. Человек, выигравший Великую войну и получивший проливы. Его триумф — и его ловушка: союзники, с которыми он делил победу, стали врагами. Его драма: он слишком стар для новой войны, но слишком горд, чтобы отдать то, что взял.

Цесаревич Алексей Николаевич (1904–1988)

Наследник престола, 36 лет. В этой реальности — здоров: прорыв в лечении гемофилии, совершённый русскими медиками в 1920-х, сохранил ему жизнь. К началу войны — Верхов-

ный главнокомандующий. Его бремя: он должен выиграть войну, которую не начинал, и сохранить Империю, которую строил отец.

Граф Дмитрий Алексеевич Шувалов (1875–1962)

Генерал-фельдмаршал, командующий Южным театром (Проливы). Военный до мозга костей. Его стратегия: активная оборона, изматывание противника, удержание ключевых точек. Его трагедия: он выигрывал сражения, но проигрывал время — а время в этой войне важнее территории.

Пётр Аркадьевич Ланской (1868–1947)

Геостратег, начальник Имперского стратегического совета. В этой реальности — не спаситель от коллапса (коллапса не было), а архитектор долгосрочного противостояния. Его предвидение: он предупреждал о предательстве Запада ещё в 1925 году. Его записки — ключ к пониманию всей войны.

Контр-адмирал Сергей Илларионович Вяземский-младший (1895–1971)

Сын промышленника-олигарха, выбравший флот вместо заводов. Командующий Средиземноморской эскадрой. Его крейсера держат Проливы. Его драма: он служит Империи, но знает — его отец наживается на этой войне, поставляя сталь для снарядов, которыми убивают его моряков.

Капитан Михаил фон Мекк (1910–1999)

Внук ротмистра, сын офицера. Командир подводной лодки «Дельфин» на Черноморском театре. Его война — глубинная, невидимая, одинокая. Через его письма к отцу мы видим войну не как карту в генштабе, а как пот, страх и стальной гроб под водой.

Полковник Имперской разведки князь Андрей Волконский (1902–1985)

Резидент в Тегеране, затем в Стокгольме. Его война — тайная: вербовка, дезинформация, анализ. Его записки — взгляд на конфликт с теневой стороны.

Глава 1. Предвидение

1. Тишина после салюта

Салют отгремел в двадцать два ноль-ноль. Двадцать залпов — по одному на каждую гвардейскую дивизию, прошедшую Босфор. Над Невой ещё плавал пороховой дым, серый и слоистый, как слюда; он цеплялся за шпиль Петропавловки, за купол Исаакия, за гранит набережных, и долго не хотел оседать. Казалось, сам город не желал отпустить этот день.

Пётр Аркадьевич Ланской стоял у окна своего кабинета в Главном штабе и смотрел, как гаснут огни на Дворцовой. Он был трезв — в отличие от девяти десятых Петербурга. Пил он вообще мало, а в дни торжеств — меньше обычного. Пьяный аналитик — мёртвый аналитик, говаривал его учитель, старый генерал-квартирмейстер Драгомиров, и Ланской запомнил это намертво.

Пять лет. Пять лет минуло с тех пор, как десантные баржи Юденича вошли в бухту Золотой Рог. Пять лет с тех пор, как русский флаг взвился над Айя-Софией — не над минаретами, нет, до этого не дошло: Государь проявил мудрую сдержанность, объявив город открытым пор-

том под совместным управлением держав-победительниц. Но гарнизон был русским. И Пролиты контролировались русскими береговыми батареями.

Мир ещё не знал, как назвать эту войну. Великой? Последней? Первой? В оперативных документах Генерального штаба она проходила как «Кампания 1914–1920 гг.» — шесть лет, а не четыре, как в реальности, которую мы знаем. Здесь не было Брестского мира. Не было развала фронта. Не было февраля и октября семнадцатого. Здесь была победа — тяжёлая, оплаченная полутора миллионами жизней, но победа.

И вот теперь, октябрьской ночью 1925 года, Пётр Аркадьевич Ланской, действительный статский советник, начальник Аналитического управления Генерального штаба, писал записку, от которой зависело будущее Империи.

Он знал то, чего не знали другие.

2. Арифметика войны (видение первое: декабрь 1916, Ставка, Могилёв)

Двадцать седьмое декабря 1916 года. Могилёв. Ставка Верховного главнокомандующего. Температура — минус двадцать шесть. Чернила замерзают в чернильницах. Ланскому тридцать два года, он полковник, он только что назначен в аналитический отдел.

Он помнил этот день до мельчайших подробностей, потому что именно в тот день он впервые увидел то, что потом назвал «тенью». Тень будущего. Или, если быть точнее, тень отсутствия будущего — потому что увиденное не было будущим. Это был провал на месте будущего. Пустота.

Он работал с цифрами. Это было его главным достоинством: он умел читать цифры так, как другие читают газеты. Потери, мобилизационные ресурсы, пропускная способность железных дорог, запасы снарядов, производство стали, потребление хлеба, цены на муку в Петрограде.

Картина выходила... неутешительная. Нет, фронт держался. Наступление Брусилова перемололо австрийцев. Кавказская армия давила турок. Но тыл...

Он пересчитывал трижды — вручную, на бумаге, потому что не доверял арифмометрам. Трижды получалось одно и то же. Запасы продовольствия в Петрограде — на две недели. Пропускная способность железных дорог — сорок процентов от потребной. Цены на хлеб с начала войны выросли вчетверо. Количество забастовок на военных заводах — втрое.

Он составил записку. Передал Драгомирову. Тот прочитал, пожевал губами и сказал: «Пётр Аркадьевич, положите-ка это в сейф. И забудьте. Докладывать такое — себе дороже. Да и Государю сейчас не до тыла. У него сын болен».

Ланской положил в сейф. Но не забыл.

А через две недели — седьмого января 1917 года — он сидел над картой и вдруг почувствовал холод. Не сквозняк — окна были заклеены. Холод шёл изнутри, из позвоночника, поднимаясь к затылку, и вместе с холодом пришло... знание. Нет, не знание — видение.

Он увидел февральские баррикады на Невском — как будто смотрел сквозь мутное стекло. Увидел отречение. Увидел большевистский переворот. Увидел гражданскую войну — красный террор, белый террор, расстрелы, голод, трупы на улицах, развал армии, развал государства.

И главное — он увидел, что всего этого можно избежать.

Видение длилось секунд двадцать. Может быть, тридцать. Но когда оно прошло, Ланской понял три вещи.

Первое: он не сошёл с ума. Он знал это так же твёрдо, как таблицу умножения.

Второе: то, что он видел, — не пророчество. Это вероятностная проекция. Один из возможных вариантов. Причина — в текущих структурных напряжениях, которые он сам же и рассчитал.

Третье: если ничего не делать — этот вариант станет реальностью.

Следующие три месяца он работал как одержимый. Он не спал по трое суток. Он поднял все доступные ему данные, провёл двести семнадцать расчётов, составил тридцать четыре сценария. И тридцатого марта 1917 года, получив аудиенцию через цепочку армейских связей, о которой до сих пор не мог рассказывать без внутренней дрожи, — он положил на стол Государю докладную записку.

Записка называлась «О внутренних угрозах и мерах по их предотвращению».

Государь прочитал при нём. Молча. Закрыв папку. Сказал: «Вы утверждаете, полковник, что у нас осталось меньше года?»

«Меньше, Ваше Величество. Если не принять мер — семь-восемь месяцев.»

«Что вы предлагаете?»

Ланской изложил. Продовольственная развёрстка не от продотрядов, а от военного министерства — с оплатой по фиксированным ценам. Экстренное строительство железнодорожной ветки к Мурманску для гарантированного снабжения от союзников. Ужесточение цензуры, но одновременно — легализация умеренной оппозиции с предоставлением думских мест. А главное — немедленное отстранение наиболее одиозных фигур из окружения трона.

Последний пункт был самым опасным. Ланской знал, что рискует всем — карьерой, свободой, возможно, жизнью. Но он также знал, что если не сказать этого сейчас, то через год говорить будет некому.

Государь молчал четыре минуты. Это были самые долгие четыре минуты в жизни Ланского.

«Оставьте записку. Я дам ответ завтра.»

Ответ был дан. И он изменил всё.

3. Механика чуда

Позже историки назовут это «Русским экономическим чудом 1920-х». Ланской, читая эти строки, криво усмехался. Никакого чуда не было. Была работа. Тяжёлая, нудная, методичная работа, подкреплённая точным знанием того, что именно нужно делать и чего делать нельзя.

Знание это имело странную, почти мистическую природу. Ланской никому не говорил о своих видениях — кроме Государя, и то в самых общих чертах. Для окружающих он был просто очень, неестественно талантливым аналитиком. Гением. Человеком, который всегда знает, где упадёт следующий удар.

Сам он называл это «структурным предвидением». Суть метода была проста до неприличия: любая сложная система — государство, экономика, армия — подчиняется законам, столь же строгим, как законы физики. Напряжения накапливаются. Структуры деформируются. Достаточно правильно измерить напряжение — и точку разлома можно предсказать с точностью до месяца.

Но была и вторая половина метода, о которой Ланской не говорил никому и никогда. Видения не ограничивались расчётами. Иногда — всё реже, но всё равно — он видел тени. Альтернативные ветви реальности. То, что могло бы быть. То, чего удалось избежать.

Ветвь, в которой монархия пала в феврале семнадцатого.

Ветвь, в которой большевики захватили власть в октябре.

Ветвь, в которой страна рухнула в гражданскую войну, а потом — в новую войну с Германией, куда более страшную, чем первая.

Он видел танковые армады. Видел города, превращённые в руины. Видел цифры — двадцать миллионов, двадцать семь миллионов — цифры потерь, от которых перехватывало дыхание. Видел красный флаг над Рейхстагом — нет, это был другой Рейхстаг, не тот, что в реальном Берлине. Вилен... или нет, не Вилен. Какое-то другое название, ускользавшее.

Эти видения были самым тяжёлым бременем. Потому что они показывали: та реальность, которой удалось избежать, была не просто другой. Она была чудовищной.

Именно это знание двигало им, когда он писал свои записки. Не карьерные соображения. Не преданность престолу — хотя и она имела место. А простой, животный ужас перед тем, что он видел в тенях.

Не допустить.

4. Анатомия победы

К 1920 году Российская Империя подошла в состоянии, которое Ланской характеризовал как «управляемый кризис». Война истощила всех — и людей, и ресурсы, и терпение. Но в отличие от той, теневой реальности, здесь истощение не перешло в коллапс.

Реформы, начатые после мартовской записки 1917 года, дали эффект не сразу. Продовольственная развёрстка, проводимая военным министерством, встретила бешеное сопротивление — и помещиков, и крестьян. Но система фиксированных цен и гарантированных поставок посевного зерна постепенно заработала. К зиме 1917–1918 годов голода в Петрограде не было. Очереди были, но не было смертей от истощения.

Умеренная оппозиция, допущенная в Думу, спустила пар. Самые радикальные элементы — и слева, и справа — были нейтрализованы: не репрессиями, а кооптацией. Террористическое подполье, лишённое массовой базы, зачахло.

Кадровые перестановки в окружении трона — самые болезненные, самые опасные — были проведены. Ланской до сих пор помнил, как Государь, подписывая указ об удалении от двора нескольких фигур, которых он знал десятилетиями, сказал: «Знаете, полковник, я сейчас чувствую себя хирургом, который ампутирует собственную руку. Дай Бог, чтобы вы оказались правы». Ланской ничего не ответил. Он знал, что прав.

Кампания 1918 года была переломной. Русская армия, перегруппировавшись, нанесла серию ударов на Юго-Западном фронте. Австро-Венгрия, трещащая по этническим швам, запросила перемирия. Германия, оставшись одна, продержалась ещё полтора года — но к весне 1920 года и она капитулировала. А затем — Босфорская операция, спланированная Юденичем и одобренная Ланским, хотя сам он считал её авантюрой. Но авантюра удалась.

И вот — пять лет спустя — он сидел в тишине кабинета и писал новую записку.

Потому что тени вернулись.

5. Тень над Босфором (видение второе: ноябрь 1925)

Седьмое ноября 1925 года. Три недели спустя после записки. Кабинет Ланского. Три часа ночи. За окном — мокрый снег, редкие фонари. На столе — чашка остывшего чая, карта Средиземноморья, пачка донесений из военно-морской разведки.

Видение пришло без предупреждения. С ним всегда так бывало: никаких предвестников, только холод в позвоночнике и внезапное, оглушающее расширение сознания.

Он увидел море. Средиземное море, серое, зимнее, покрытое барашками волн. Увидел корабли — много кораблей, вытянутых в ордер, идущих с запада на восток. Британские вымпелы. Французские. Итальянские. Соединённый флот, какого Средиземноморье не видело со времён Наполеоновских войн.

Увиденное не было точным предсказанием. Ланской давно понял: видения не показывают то, что будет. Они показывают то, что может быть, — и чем выше вероятность, тем ярче картинка.

Здесь яркость была почти невыносимой.

Он увидел, как британские линкоры блокируют Дарданеллы. Как русские береговые батареи открывают огонь — и как их одну за другой подавляют корабельной артиллерией. Как

десантные баржи идут к Галлиполи — на этот раз не для разведки боем, как в пятнадцатом, а для полномасштабного вторжения.

Он увидел Персию — советские войска переходят границу на севере, британцы высаживаются на юге, страна превращается в поле боя между двумя империями. Нет, не советские — в этой реальности нет Советов. Но войска, войска там...

Он увидел Дальний Восток. Японские эскадры в Японском море. Владивосток в осаде. Высадка на Сахалине и Камчатке.

Он увидел общий контур войны. Не мировой — ограниченной. Периферийной. Но от этого не менее смертоносной.

Срок — конец 1930-х. Может быть, 1938-й. Может быть, 1939-й. Слишком много переменных, чтобы назвать точную дату. Но общий вектор — несомненен.

6. Геометрия угрозы

Ланской отодвинул чашку с остывшим чаем и разложил карты. Три карты: Европа, Ближний Восток, Дальний Восток. Три театра возможной войны. Три узла напряжения.

Он работал методично, как всегда. Сначала — общая структура угрозы. Потом — детали. Потом — рекомендации. Это был его метод: от общего к частному, от причины к следствию, от анализа к синтезу.

Британский фактор

Британская Империя никогда не смирится с русским контролем над Проливами.

Это не вопрос эмоций. Это не вопрос национальной гордости — хотя и её не стоит сбрасывать со счетов. Это вопрос геостратегии в чистом виде. С тех пор как русские дредноуты получили возможность свободно выходить из Чёрного моря в Средиземное, британские коммуникации с Индией и Суэцем оказались под угрозой.

До 1920 года Лондон мог утешать себя мыслью, что русский контроль над Проливами — временная мера, результат военной удачи, которая будет пересмотрена на мирной конференции. Но мирная конференция закрепила статус-кво. Русский гарнизон в Константинополе стал постоянным. Береговые батареи в Дарданеллах поставили Проливы под полный оперативный контроль Санкт-Петербурга.

Для британского Адмиралтейства это было равносильно стратегической катастрофе.

Ланской хорошо знал британцев. Он провёл два года военным атташе в Лондоне — с 1912-го по 1914-й — и за это время изучил их образ мысли досконально. Британия не воюет импульсивно. Она воюет расчётливо. Она не нападает, когда слаба. Она ждёт — иногда десятилетиями. Но когда наносит удар, то делает это наверняка.

Сейчас Британия слаба. Война истощила её так же, как и всех остальных. Ей нужно время на восстановление: десять лет, возможно — пятнадцать. К середине или концу 1930-х она

будет готова. И тогда вопрос о Проливах встанет снова — но уже не на дипломатическом, а на военном уровне.

Французский фактор

Франция — младший партнёр в англо-французском альянсе, но её мотивация, возможно, даже сильнее британской.

Для Парижа русские в Проливах означают русских в Восточном Средиземноморье. А Восточное Средиземноморье — это Левант. Сирия. Ливан. Зона французского влияния, которую Париж рассматривает как свою исключительную сферу интересов.

Кроме того, Франция — крупнейший кредитор Российской Империи. За годы войны русский долг перед французскими банками вырос до астрономических величин. Пока Россия платит по счетам — а до 1925 года она платила исправно, — Париж будет терпеть. Но если возникнет задержка? Если Россия решит пересмотреть условия долга? Тогда финансовый вопрос немедленно превратится в политический, а политический — в военный.

Периферийные угрозы

Япония. Поражение в войне 1904–1905 годов не было забыто. Портсмутский мир оставил в японском сознании глубокую травму — не военного, а политического характера. Японская армия считала, что победу у неё украли дипломаты. И теперь, двадцать лет спустя, японский милитаризм искал реванша.

Русский Дальний Восток был уязвим. Транссибирская магистраль — длинная, тонкая нить, связывающая Владивосток с метрополией. Если перерезать её — всё тихоокеанское побережье окажется в изоляции.

Турция. Османская Империя рухнула — но турецкое национальное движение, возглавленное молодым генералом по имени Мустафа Кемаль, набирало силу. Для кемалистов русские в Константинополе были оккупантами — точно так же, как французы в Киликии или греки в Смирне. Если британцы решат использовать турецкий национализм как прокси-инструмент — русские позиции в Проливах окажутся под двойным давлением: извне и изнутри.

Германский фактор. Парадокс: Германия, побеждённая в войне, могла стать либо источником новой угрозы, либо союзником. В теневых реальностях, которые видел Ланской, Германия всегда выбирала реваншизм — и втягивала континент в новую бойню. Но была и другая возможность. Если предложить Берлину партнёрство на равных, если выстроить русско-германскую ось — тогда баланс сил в Европе изменится радикально.

7. Уравнение с многими неизвестными (видение третье: май 1925)

Двадцать второе мая 1925 года. Дача Ланского в Царском Селе. Полдень. Цветут яблони. Он сидит в плетёном кресле с тетрадью, но не пишет — смотрит в пространство. Жена знает: когда у Петра Аркадьевича такой взгляд, его нельзя трогать.

Это видение было иным, чем предыдущие. Более фрагментарным, более символическим. Почти поэтическим — насколько поэзия вообще может быть применима к военно-стратегическому анализу.

Он видел шахматную доску. Огромную, на полмира, с фигурами, движущимися по правилам, которые он не сразу понимал. Белые — это была Россия? Или Британия? Нет, цвет не имел значения. Имели значение векторы. Силовые линии. Напряжения.

Он видел, как одна за другой возникают точки разлома. Балканы — но не те знакомые Балканы, что послужили спусковым крючком в 1914-м, а новые: Сербия, разросшаяся до Югославии; Греция, недовольная распределением малоазиатских территорий; Болгария, мечтающая о реванше за вторую Балканскую войну. Проливы — русские. Но балканское окружение — враждебное или, в лучшем случае, нейтральное. И британский флот всегда на расстоянии одного перехода от Эгейского моря.

Он видел цифры. Бюджетные цифры. Военный бюджет Великобритании в 1932 году. Военный бюджет Франции. Военный бюджет Японии. Собственный бюджет России — растущий, но недостаточно быстро, всегда недостаточно быстро, потому что страна восстанавливается после шести лет войны, потому что крестьяне хотят земли, а не линкоров, потому что заводы перестраиваются на мирную продукцию...

Он увидел три сценария. Три ветви вероятного будущего.

Сценарий первый: изоляция. Россия остаётся в одиночестве. Британия и Франция формируют антирусскую коалицию. Япония присоединяется. Турция используется как ударный инструмент. К 1938 году — полномасштабная война на трёх театрах: Проливы, Кавказ, Дальний Восток. Исход неясен, но потери будут огромными — даже в случае победы.

Сценарий второй: германский альянс. Россия и Германия заключают стратегический пакт. Это меняет баланс сил. Британия, столкнувшись с русско-германским блоком, не рискует начинать войну. Париж — тем более. Турция и Япония, лишённые британской поддержки, отступают. Проливы остаются русскими. Но цена — Германия, восстановившая военный потенциал и диктующая условия на континенте.

Сценарий третий: сдерживание. Россия не ищет союза ни с кем, но строит систему оборонительного сдерживания. Укрепление Проливов до уровня неприступной крепости. Развитие Тихоокеанского флота. Экономическая самодостаточность. К концу 1930-х военный потенциал России таков, что любая попытка ревизии становится для агрессора неприемлемо дорогой.

Ланской перебирал эти сценарии снова и снова, как чётки. Изоляция — катастрофа. Германский альянс — риск. Сдерживание — идеал, но достижим ли он в тех временных рамках, что отпущены?

Где-то между вторым и третьим сценарием лежал правильный ответ. Но найти его предстояло ещё.

8. Ночная записка

И вот теперь, октябрьской ночью, при свете керосиновой лампы — электричество в его кабинете отключали в час ночи, и он давно предпочитал старый добрый керосин — Ланской писал итоговую записку. Ту самую. «Только лично».

Он знал, что эта записка войдёт в историю. Если не будет немедленно уничтожена — а он рекомендовал именно это. Прочитали — и в камин. Слишком многое в ней было такого, что не должно попасть в чужие руки. Не сейчас. Может быть, через пятьдесят лет, когда и сам Ланской, и Государь, и все, кто участвовал в этих решениях, уйдут в прошлое, — тогда историки смогут оценить масштаб замысла. Но не сейчас.

Он писал медленно, обдумывая каждую фразу. Почерк у него был мелкий, убористый, почти стенографический — за годы службы он приучился помещать максимум смысла в минимум места.

«Ваше Императорское Величество,

Пять лет назад мы праздновали победу. Русский флаг над Босфором. Проливы открыты. Константинополь — под нашим контролем. Армия вернулась домой в ореоле славы. Реформы дали плоды.

Я не хочу омрачать этот триумф. Но моя должность — не праздновать, а предвидеть...»

Он остановился. Перечитал. Слишком сухо? Или в самый раз? Государь ценил в нём прямоту. Но была грань, за которой прямота превращалась в бестактность. Ланской эту грань чувствовал.

Он продолжил — уже быстрее, уже не останавливаясь, давая мысли течь прямо в перо:

«Британия не смирилась с нашим присутствием в Проливах. Это не эмоция — это геостратегия. Контроль над Проливами означает контроль над выходом из Чёрного моря в Средиземное. Для Лондона это — угроза коммуникациям с Индией и Суэцем. Для Парижа — угроза влиянию в Леванте.

Они не нападут сейчас. Они истощены войной не меньше нас. Но через десять-пятнадцать лет, восстановив силы, они предпримут попытку ревизии.

Форма: вероятнее всего, не прямая агрессия против метрополии, а комбинированное давление — морская блокада Проливов плюс прокси-конфликт на периферии (Персия, Дальний Восток) плюс дипломатическая изоляция. Возможно привлечение Японии и Турции как инструментов...»

Он вписал это слово — «инструментов» — и почувствовал укол стыда. В конце концов, он говорил о целых народах, о странах с многовековой историей. Но на том уровне, на котором он работал, народы действительно становились инструментами. Это была цена его должности — видеть людей как элементы больших структур, государств как фигуры на доске, миллионы жизней как строки в военном бюджете.

Он вспомнил, как однажды, ещё в начале карьеры, признался Драгомирову: «Мне иногда кажется, что я теряю человечность. Перестаю воспринимать людей как людей. Только как

статистические единицы». Старый генерал-квартирмейстер помолчал, а потом сказал: «Это не потеря человечности, Пётр Аркадьевич. Это профессиональная деформация. Если бы вы воспринимали каждую единицу как живую душу, вы бы не смогли работать. Но помните: там, за цифрами, всегда есть живые души. И ваша работа — не в том, чтобы жертвовать ими, а в том, чтобы сохранить как можно больше. Если вы это помните — человечность при вас».

Он помнил. Именно это и заставляло его писать записку.

9. Четыре рекомендации

Раздел «Рекомендации» он продумывал дольше всего. Здесь не должно было быть ни одного лишнего слова. Ни одной необоснованной цифры. Каждая рекомендация — результат месяцев расчётов и анализа. Каждая — цена выживания Империи.

Рекомендация первая: Укрепление Проливов

Суть: превратить зону Проливов в неприступный укрепрайон.

Конкретные меры:

- Береговые батареи калибром 305 и 356 мм — по две на каждый берег Дарданелл, по одной — на Босфор. Дальность стрельбы — не менее двадцати пяти километров. Каждая батарея — многоуровневая, с подземными погребами и автономным энергоснабжением. Расчётное время подавления одной батареи корабельной артиллерией противника — не менее трёх часов непрерывного огня. За это время подводные лодки и эсминцы успевают выйти на рубеж атаки.

- Минные заграждения: многослойные, с дистанционным управлением. Три линии — дальняя, средняя, ближняя. Возможность оперативной постановки дополнительных минных банок силами быстроходных минных заградителей.

- Подводный флот Чёрного моря: не менее двадцати четырёх лодок к 1930 году, не менее сорока к 1935-му. Приоритет — большие океанские лодки, способные действовать в Восточном Средиземноморье и перекрывать британские коммуникации между Мальтой и Кипром.

- Авиационное прикрытие: гидроаэродромы в Измире и Синопе. Дальняя разведывательная авиация — радиус действия не менее пятисот километров. Истребительное прикрытие батарей.

Общая философия: не просто удержать Проливы, а сделать попытку их захвата настолько дорогой, чтобы сама идея такой операции была отвергнута британским Адмиралтейством на стадии планирования.

Рекомендация вторая: Диверсификация союзников

Суть: выйти из дипломатической изоляции, не попав в зависимость от одного союзника.

Конкретные меры:

- Германия: начать тайные консультации с рейхсвером. Тема — военно-техническое сотрудничество. Совместные разработки в области авиации и бронетехники. Обмен разведанными по британским и французским вооружениям. Цель — не военный союз (пока), а взаимная заинтересованность в ослаблении англо-французского блока.

- Соединённые Штаты: использовать экономические рычаги. Америка заинтересована в русском рынке для своих товаров и капиталов. Предложить концессии — нефтяные, горнодо-

бывающие, железнодорожные — в обмен на политический нейтралитет в вопросе Проливов. Американский изоляционизм — наш союзник.

- Италия: потенциальный младший партнёр. У Рима есть неразрешённые споры с Парижем (Тунис, Корсика, Савойя) и с Лондоном (Мальта). Итальянский флот не равен британскому, но способен сковать его часть в Центральном Средиземноморье.

Ланской особенно подчеркнул: ни в коем случае нельзя повторять ошибку, сделанную в предвоенные годы, когда Россия оказалась привязана к франко-британскому альянсу жёсткими договорными обязательствами и не имела пространства для манёвра. Диверсификация — ключевое слово.

Рекомендация третья: Тихоокеанский флот

Суть: обеспечить стратегический паритет с Японией на Дальнем Востоке.

Конкретные меры:

- Базирование: Владивосток — главная база. Вспомогательные базы — Советская Гавань, Петропавловск-Камчатский. Укрепление всех трёх баз по образцу Проливов.

- Корабельный состав: к 1935 году — два линкора, четыре тяжёлых крейсера, двенадцать эсминцев, двадцать подводных лодок. Не для нападения на Японские острова — для обороны собственного побережья и нарушения японских коммуникаций.

- Сухопутный компонент: не менее шести пехотных дивизий в Приморье, способных к автономным действиям в случае перерезания Транссиба.

- Авиация: дальние бомбардировщики, способные достичь Хоккайдо с владивостокских аэродромов. Не для применения — для сдерживания.

Рекомендация четвертая: Самодостаточность

Суть: свести к нулю стратегическую зависимость от потенциальных противников.

Конкретные меры:

- Судостроение: полный цикл. Не зависеть от британских верфей (которые строили для России крейсера до войны). Развитие собственных мощностей в Санкт-Петербурге, Николаеве и Владивостоке.

- Финансы: постепенный отказ от французских кредитов. Переход на внутренние займы и американские инвестиции. Создание золотого запаса, достаточного для трёх лет войны.

- Военная промышленность: полная автономия по порохам, взрывчатым веществам, оптике, радиооборудованию. Никаких критических компонентов из-за границы.

- Продовольствие: стратегические зерновые резервы. Не менее шестимесячного запаса для армии и флота.

10. Резолюция

Ланской дописывал последние строки, когда за окном начало светать. Серый октябрьский рассвет, холодный и мглистый, поднимался над Адмиралтейством. Он положил перо, перечитал записку ещё раз — и остался доволен. Сухо. Точно. Ни одного лишнего слова. Именно так, как любит Государь.

Он запечатал конверт. Написал: «Его Императорскому Величеству. Только лично». Вызвал фельдгегеря — дождался, пока тот явится (двадцать минут, он засёк по карманным часам), передал конверт, расписался в книге отправлений.

Фельдгегерь ушёл. Ланской остался один.

Он знал: теперь ждать. День, два, может быть — неделю. Государь читает медленно, обдумывает долго. Но решает быстро.

Ответ пришёл через три дня. Фельдгегерь доставил конверт с императорской печатью. Ланской вскрыл его — руки не дрожали, но сердце билось чаще обычного.

На полях его записки, напротив раздела «Рекомендации», Государь написал всего несколько строк своим характерным размашистым почерком:

«Пётр Аркадьевич, вы как всегда видите дальше других. Жутко читать, но необходимо. Утверждаю. Начинайте немедленно. Проливы мы взяли — Проливы мы удержим.»

Подпись — «Н.» Николай.

И приписка мелким почерком, которую Ланской заметил не сразу:

«Отдельно прошу вас продумать вопрос о линии престолонаследия в условиях возможной большой войны. Не для бумаги — для личного доклада.»

Вот так. Даже в момент утверждения стратегической программы, которая определит судьбу Империи на десятилетия вперёд, Государь думал о наследнике. Цесаревич Алексей — мальчик двенадцати лет, умный, волевой, но больной. Гемофилия. В случае войны — сможет ли он выдержать бремя? Не станет ли его болезнь фактором уязвимости для династии?

Ланской отложил конверт. Этот вопрос — самый сложный из всех. Но он был не из тех, кто уклоняется от сложных вопросов.

11. Тени будущего

Он остался в кабинете. Чай давно остыл — он заварил новый. Достал чистый лист бумаги. Написал: «К вопросу о престолонаследии в условиях стратегической нестабильности». И остановился.

Потому что в этот момент — он узнал это чувство, холод в позвоночнике — началось новое видение.

Он увидел мальчика. Цесаревича Алексея — но старше, намного старше. Мужчину лет тридцати пяти, с усталым лицом и внимательными глазами — очень похожими на глаза Государя. Он был в военной форме. Он стоял перед картой — той самой картой, что сейчас лежала на столе Ланского, — и что-то говорил генералам.

Видение длилось долю секунды. Но Ланской успел заметить детали. Погоны — генеральские. Обстановка — не Зимний, не Царское, не Гатчина. Что-то другое. Убежище? Подземный командный пункт? На карте — Проливы. И стрелки. Красные стрелки, идущие с запада.

Он не понял, что это значит. Видение было слишком коротким, слишком фрагментарным. Но одно он знал точно: мальчик выжил. Цесаревич доживёт до зрелости. И будет командовать.

Это было... утешительно. И тревожно одновременно. Потому что красные стрелки на карте означали войну.

Ланской потёр виски. Видения выматывали его. После каждого он чувствовал себя так, будто пробежал несколько вёрст. Но он не мог отказаться от них — даже если бы захотел. Они были его даром и его проклятием.

Он взглянул на чистый лист. «К вопросу о престолонаследии...» — написал он. И отложил перо. Этот документ требовал отдельной работы. Отдельного доклада. Может быть, отдельной главы в истории, которая ещё не написана.

За окном окончательно рассвело. Город просыпался — обычный Петербург, октябрьский, холодный, величественный. Где-то гремели первые трамваи. Где-то дворники скребли тротуары. Где-то поднимался дым из труб.

Мир, который он сохранил.

Мир, который ему предстояло сохранить снова.

12. Послесловие аналитика

Из дневников П. А. Ланского. Запись от 18 октября 1925 г.

«Государь утвердил программу. Теперь — работа. Боюсь, мы не успеваем. Боюсь, времени меньше, чем кажется. Боюсь, что даже то, что я вижу, — лишь часть картины.

Но по крайней мере мы что-то делаем. По крайней мере мы не сидим сложа руки.

Иногда я думаю: что было бы, если бы в декабре 1916-го я не написал ту первую записку? Если бы смолчал? Если бы испугался?

Ответ я знаю. Я видел его. Тени помнят всё.

И поэтому я буду работать. Пока хватает сил. Пока хватает времени. Пока тени не стали реальностью.»

Глава 2. Проливы

1. Чайка над Дарданеллами

Чайка села на ствол двенадцатидюймового орудия батареи «Константин» и замерла, повернув голову на восток — туда, где над Мраморным морем поднималось солнце. Контр-адмирал Сергей Иванович Вяземский-младший заметил птицу с мостика «Императрицы Марии» и почему-то подумал: «Хороший знак».

Он не верил в приметы. Он верил в калибр, броню и скорость хода. Но на войне даже атеист начинает креститься на пролетающих чаек — особенно в те минуты, когда от его решений зависит судьба двадцати двух вымпелов и двенадцати тысяч душ.

3 сентября 1940 года. 06:47 по-местному. Мостик флагманского линкора «Императрица Мария». Видимость — восемь миль. Волнение — три балла. Ветер — норд-вест, шесть узлов.

Вяземский опустил бинокль. Стекла запотели от дыхания — он протёр их замшевой тряпочкой, которую всегда носил в нагрудном кармане. Привычка, оставшаяся с гардемаринских времён. Его отец, старый Иван Сергеевич Вяземский, промышленник и строитель заводов, подарил ему эту тряпочку в день производства в мичманы — двадцать два года назад. «Можешь потерять кортик, можешь потерять корабль, — сказал он тогда, — но бинокль не теряй никогда. Без кортика ты не офицер. Без бинокля ты не моряк».

Отец.

Вяземский редко думал об отце в оперативной обстановке — мысли о семье мешали сосредоточиться. Но сегодня, глядя на серую гладь Эгейского моря, он не мог не думать. Сталь, из которой были отлиты орудия «Императрицы Марии», вышла из мартеновских печей Вяземского-старшего. Броневые плиты, прикрывающие борт линкора, катали на его же прокатных станах. Турбины, вращающие винты, собирали на его заводах в Мариуполе.

Снаряды, которые сейчас лежали в погребах, были отлиты из той же уральской руды, которую плавил те же домны.

А британские снаряды?

Он знал — и это было самое страшное — что британские линкоры, которые сейчас маневрировали где-то за горизонтом, тоже несли в своих погребах снаряды, отлитые из русской стали. Не буквально, конечно. Но принцип — тот же. Мировая металлургия была едина. Вяземский-старший до войны поставлял стальной прокат в десятку стран, включая... включая тех, кто теперь стоял по ту сторону прицела.

Парадокс. Или нет — не парадокс. Просто бизнес. Просто мир, в котором границы между войной и торговлей всегда были условны.

Отец говорил: «Война — это продолжение экономики другими средствами. И наоборот». Сергей Иванович тогда не понимал. Ему было двадцать, и он хотел командовать кораблями, а не размышлять о диалектике. Теперь, в сорок два, он понял.

Сталь не выбирает, в кого лететь.

2. Дым на горизонте (видение первое: 1931, Санкт-Петербург, похороны отца)

Девятое января 1931 года. Никольское кладбище Александро-Невской лавры. Мороз — минус восемнадцать. Снег скрипит под сапогами. Оркестр играет «Коль славен». Вяземскому тридцать три, он капитан первого ранга, он стоит у гроба отца и не плачет — потому что на похоронах Вяземского-старшего плакать нельзя. Слишком много репортёров. Слишком много заводских делегаций. Слишком много дипломатов, приехавших проводить человека, который построил четверть русской тяжёлой промышленности.

Он не плакал на похоронах. Но потом, через неделю, когда разбирали отцовский кабинет в особняке на Английской набережной, он нашёл письмо.

Конверт был надписан его рукой — «Сергею. Вскрыть после моей смерти».

Внутри — два листа, исписанных знакомым убористым почерком. Не завешание — завешание было оформлено официально, у нотариуса. Не распоряжения — их оставил управляющий. Это было... объяснение. Исповедь. Последнее слово.

«Серёжа,

Ты знаешь, что я построил заводы. Ты не знаешь, почему.

В 1917 году, когда всё катилось к чертям, ко мне пришёл человек из Генштаба. Полковник Ланской. Слышал такую фамилию? Он сказал: «Иван Сергеевич, если вы не перестроите свои заводы под военные нужды за три года, к 1920-му страна рухнет». Я спросил: «Почему я?» Он ответил: «Потому что вы единственный промышленник, который понимает, что прибыль — не главное. Главное — выживание. И потому что у вас есть то, чего нет у других: способность видеть дальше квартального отчёта».

Я поверил ему. Не знаю почему — он не был похож на пророка. Скорее на счетовода. Но в его глазах было что-то такое, что заставило меня подписать контракты, взять кредиты, перестроить цеха. Я работал как проклятый — и ты, наверное, помнишь, что я почти не бывал дома в те годы. Прости.

Теперь ты офицер. И я знаю — ты будешь воевать. Рано или поздно — будешь. Так вот: когда ты выйдешь в море и увидишь врага, помни — сталь, из которой сделан твой корабль, и сталь, из которой сделан его корабль, выплавлена по одним и тем же законам физики. Но твоя сталь защищает дом. Его сталь защищает империю. Это разница. Не забывай о ней.

Обнимаю. Отец.»

Вяземский перечитал письмо трижды. Потом сложил, спрятал в нагрудный карман — и с тех пор носил с собой. Даже сейчас, на мостике «Императрицы Марии», оно было при нём. Пожелтевшее, истёртое на сгибах, но всё ещё читаемое.

3. Архитектура сдерживания

Средиземноморская эскадра Российской Империи была детищем компромисса. Компромисса между амбициями флотоводцев и возможностями казны. Между тем, что требовалось для победы, и тем, что страна могла себе позволить после шести лет войны.

Вяземский знал это лучше других. Он служил в Морском генеральном штабе с 1935-го по 1938-й и своими руками составлял кораблестроительные программы. Каждая строка бюджетной сметы была оплачена чьим-то недоеданием. Каждый новый крейсер означал, что где-то в Тамбовской губернии крестьянин не получит плуг.

Но альтернатива была хуже. Без флота не было Проливов. Без Проливов не было выхода в Средиземное море. Без Средиземного моря Россия оставалась континентальной державой — а континентальная держава не может диктовать условия морским.

К 1940 году эскадра насчитывала:

Линкоры:

- «Императрица Мария» (флагман, заложен 1911, модернизирован 1932–1935). Водоизмещение — 28 000 тонн. Двенадцать 305-мм орудий в четырёх трёх орудийных башнях. Пояс — 262 мм. Скорость — 24 узла. Экипаж — 1 220 человек.

- «Император Николай I» (заложен 1914, достроен 1922, модернизирован 1936-1938). Водоизмещение — 30 000 тонн. Вооружение аналогичное. Скорость — 25 узлов. Экипаж — 1 280 человек.

Крейсера:

- «Адмирал Нахимов» (тяжёлый, 1928). Девять 203-мм орудий. 32 узла.
- «Адмирал Корнилов» (тяжёлый, 1930). Аналогичные характеристики.
- «Варяг» (лёгкий, 1934). Двенадцать 152-мм орудий. 35 узлов.
- «Аврора-2» (лёгкий, 1936). Аналогичные характеристики.

Эсминцы: двенадцать вымпелов типа «Новик-М» (модернизированных).

Подводные лодки: восемь лодок типа «Барс», две — типа «Дельфин-2».

Береговая авиация: две эскадрильи дальних разведчиков, одна — истребителей, одна — торпедоносцев.

Плюс береговые батареи Дарданелл.

Этого было недостаточно для разгрома британского Средиземноморского флота. Вяземский знал это. Но этого было достаточно для того, чтобы сделать попытку прорыва через Проливы неприемлемо дорогой. А именно это и требовалось.

Сдерживание. Не победа — победа была невозможна. Но и не поражение — поражение было недопустимо.

Точка равновесия. Точка, в которой война теряет смысл для нападающего.

4. Люди корабля

«Императрица Мария» была не просто машиной. Она была городом. Плавающим городом с населением в тысячу двести двадцать душ — и у каждой души была своя история.

Старший механик — инженер-капитан второго ранга Арсений Павлович Громов

Сорок восемь лет. Из крестьян Вологодской губернии. В двенадцать лет пришёл пешком в Петербург — триста вёрст за одиннадцать дней. Поступил учеником слесаря на Путиловский. В шестнадцать — сдал экстерном за гимназию. В двадцать — закончил Морское инженерное училище. В тридцать — главный механик крейсера. В сорок — переведён на «Императрицу Марию».

Громов знал каждую заклёпку, каждую трубу, каждую шестерёнку. Он мог определить неисправность по звуку — просто стоя в машинном отделении с закрытыми глазами. Он не любил войну — но любил машины. А машины, которым он служил, стояли на страже.

Вяземский ценил его больше, чем иного флаг-капитана. В бою корабль держится не на командире, а на механике. Если машины работают — корабль жив. Если машины встали — корабль становится мишенью.

Командир подводной лодки «Дельфин» — капитан второго ранга Александр Карлович фон Мекк

Тридцать пять лет. Остзейский немец в пятом поколении. Предки служили русскому престолу со времён Анны Иоанновны. Отец — генерал-от-кавалерии. Дед — дипломат. Фон Мекк был первым моряком в роду — и оставался белой вороной.

Подводный флот вообще был местом, где собирались белые вороны. Там служили те, кому было тесно в рамках обычной флотской иерархии — слишком умные, слишком дерзкие, слишком странные. Фон Мекк был из таких. Он говорил на четырёх языках, цитировал Гёльдерлина в оригинале и мог вычислить в уме угол атаки для торпеды быстрее, чем артиллерийский офицер на линкоре — дальность до цели.

Вяземский знал: если дело дойдёт до боя, фон Мекк будет там, где нужно. И сделает то, что нужно. Даже если это будет стоить ему жизни.

Флаг-штурман — капитан первого ранга Михаил Давидович Боровский

Пятьдесят два года. Еврей, принявший православие в двадцатилетнем возрасте — не из карьерных соображений (хотя без этого карьера была невозможна), а по внутреннему убеждению. Математик, астроном, картограф. В каюте Боровского висела карта звёздного неба южного полушария — он купил её у португальского шкипера в Гибралтаре. И карта течений Средиземного моря, которую он составил сам за двадцать лет службы. И портрет Менделеева. И портрет адмирала Макарова.

Боровский мог проложить курс через минные поля с закрытыми глазами. Он чувствовал воду так, как иные чувствуют музыку. Вяземский иногда думал, что Боровский родился на столетие позже, чем следовало бы: из него вышел бы идеальный штурман для космического корабля. Но поскольку космических кораблей ещё не существовало, он водил линкоры через Средиземное море — и делал это безупречно.

Команда. Люди. Живые души.

Когда Вяземский думал о предстоящем бое, он думал не о стратегии. Стратегия была ясна. Он думал о том, что каждый из этих людей может не вернуться. И что он, командующий эскадрой, отвечает за каждый из этих невозвратов.

5. Три дня сентября (видение второе: хроника событий)

3 сентября — День первый

06:47. Вяземский на мостике. Получена радиограмма из Севастополя: британская эскадра адмирала Каннингема в составе трёх линкоров («Warspite», «Malaya», «Ramillies»), двух авианосцев («Eagle» и «Illustrious») и двенадцати эсминцев вошла в восточное Средиземноморье. Формально — «манёвры». Фактически — подготовка к блокаде Проливов.

08:00. Вяземский проводит совещание с командирами соединений. Тон — спокойный, почти канцелярский. Никто не говорит о возможной гибели. Все говорят о секторах обстрела, углах упреждения, расходе боезапаса. Это профессиональная защита — чем ближе смерть, тем суше язык.

09:15. Приказ о выходе эскадры к Дарданеллам. Корабли снимаются с якорей. Море серое, небо серое, дым из труб — серый. Всё одного цвета. Как будто мир обесцветили перед боем.

12:30. Получена телеграмма от Государя. Текст — всего четыре слова: «Держите Проливы. Это ключ ко всему». Вяземский читает её на мостике, при офицерах. Все молчат. Потом флаг-штурман Боровский говорит: «Государь краток, как всегда. Но точно бьёт». Вяземский кивает.

14:00. Авиаразведка докладывает: британские корабли маневрируют в ста милях к западу от Дарданелл. В боевом ордере. Авианосцы выдвинуты вперёд.

16:00. Солнце садится. Вяземский стоит на мостике и смотрит, как темнеет вода. Он думает об отце. О письме. О стали. О том, что завтра — или через день, или через неделю — всё решится.

4 сентября — День второй

04:30. Предрассветная вахта. Тишина. Только ветер и волны. Вяземский не спит — он вообще почти не спит в море. Его организм за двадцать лет службы привык обходиться тремя-четырьмя часами сна.

07:45. Донесение от береговых батарей: британские тральщики начали работу у внешнего периметра минных заграждений. Пытаются проделать проход.

08:30. Вяземский приказывает подводным лодкам выдвинуться на позиции. Фон Мекк на «Дельфине» уходит одним из первых. На мостике его провожают молча — каждый знает, что подводники могут не вернуться.

11:00. Береговые батареи открывают предупредительный огонь. Снаряды ложатся в миле от тральщиков. Британцы не отходят, но замедляют работу.

15:00. Контакт с французскими силами: три крейсера замечены у побережья Сирии. Не вмешиваются, но держатся на расстоянии прямой видимости. Наблюдатели.

18:00. Из Генштаба сообщают: Япония объявила о «повышенной готовности» флота. Одновременно — донесения о турецкой мобилизации на Кавказе. Клещи сжимаются.

Ночь с 4-го на 5-е. Вяземский не может уснуть. Он сидит в каюте и пишет письмо жене. «Если это письмо дойдёт до тебя — значит, всё обошлось. Если нет — знай, что я думал о тебе в последний момент». Он не отправляет его. Кладёт в сейф. Моряки не пишут прощальных писем перед боем — плохая примета.

5 сентября — День третий. Бой

03:15. Радиограмма от акустического поста на Тенедосе: слышны шумы винтов. Характер — эсминцы. Курс — норд-ост. Идут к проливу.

03:45. Британский эсминец «Daring» на малом ходу входит во внешний периметр минных полей. Идёт без огней, в полной темноте. Видимо, пытается разведать проход, проделанный тральщиками.

04:02. Береговые батареи открывают огонь. Прожекторы разрезают тьму — белые лезвия света, выхватывающие из мрака стремительный силуэт эсминца. Первый залп — перелёт. Второй — недолёт. Третий — накрытие.

Вяземский на мостике «Императрицы Марии». Он видит вспышки на берегу, видит тени кораблей в свете прожекторов, слышит грохот. Командует — ровным голосом, как на учениях.

«Дельфин» фон Мекка уже на позиции. Фон Мекк ждёт — как всегда, ждёт до последнего, чтобы подойти как можно ближе. Торпедный залп с дальней дистанции — пустая трата торпед.

04:14. Первая торпеда. Мимо.

04:15. Вторая торпеда. В корму.

Эсминец «Daring» теряет ход. Крен — пятнадцать градусов на правый борт. Британцы открывают ответный огонь — поздно, слишком поздно. Через шесть минут «Daring» прекращает стрельбу. Ещё через две — спускает шлюпки.

Первая кровь — за нами.

Но это только начало.

6. Подводная охота

Из оперативного журнала подводной лодки «Дельфин». Запись от 5 сентября 1940 г.

«04:02. Обнаружили цель. Британский эсминец типа D. Идёт на десяти узлах, противолодочный зигзаг. Нас не видит.

04:14. Первый торпедный залп — две торпеды из носовых аппаратов. Дистанция — четыре кабельтова. Промах. Эсминец изменил курс.

04:15. Второй залп — две торпеды. Одна в цель. Попадание в корму. Наблюдаем взрыв, потерю хода, крен.

04:21. Экипаж покидает корабль. Командир принимает решение: не всплывать. Добивать не будем — это не наша задача. Наша задача — ждать главные силы.

05:30. Отошли на позицию ожидания. Глубина — сорок метров. Полная тишина. Ждём.»

Александр Карлович фон Мекк отложил журнал. Поправил наушники. Прислушался.

Подводная лодка — это мир звуков. Надводный корабль живёт в мире света; подводная лодка — в мире шумов. Винты. Машины. Гидролокаторы. Взрывы. Тишина. Стук сердца. Дыхание экипажа.

Он слышал, как умирал «Daring». Слышал, как британские эсминцы сбрасывали глубинные бомбы — далеко, милях в пяти, не по нему. Слышал, как работают винты британской эскадры — тяжёлые, ритмичные, как дыхание спящего великана.

Фон Мекк не боялся. Точнее, боялся, но страх был где-то на периферии сознания, приглушённый, фоновый, как гул машин. На первом плане было другое — охотничий азарт. Он был под водой, в тишине, невидимый, и где-то над ним шли корабли, которые он мог уничтожить.

Власть.

Подводная лодка давала странное, почти мистическое ощущение власти. Ты невидим. Ты не слышишь — если правильно идёшь. Ты можешь нанести удар — и исчезнуть. Это была власть не воина, а убийцы. Но на войне убийцы были нужны.

Он вспомнил, как однажды, ещё в тридцать третьем году, на учениях, старый адмирал спросил его: «Фон Мекк, вам не кажется, что подводная война — это не совсем... по-рыцарски?» Александр Карлович тогда ответил: «Ваше превосходительство, на войне рыцарство — это роскошь. А мы люди небогатые».

Адмирал хмыкнул, но промолчал. И фон Мекк знал, что он прав. Война — не рыцарский турнир. Война — это работа. Тяжёлая, грязная, необходимая работа. И если для этой работы нужны убийцы — значит, будут убийцы.

7. Береговые батареи

Батарея «Константин» стояла на европейском берегу Дарданелл, на высоте сто двадцать семь метров над уровнем моря. Четыре орудия калибром 356 миллиметров — каждое весом

в восемьдесят семь тонн. Дальность стрельбы — двадцать восемь километров. Подземные погреба. Автономное энергоснабжение. Бетонные казематы толщиной в четыре метра.

Командир батареи — подполковник Георгий Теймуразович Багратион-Мухранский, князь, потомок героев Бородина. Ему было пятьдесят шесть, он воевал ещё в японскую, прошёл две кампании Великой войны, имел три ранения и солдатского Георгия — редчайший случай для офицера его ранга.

Багратион-Мухранский видел войну с изнанки. Он знал, что такое газовая атака, — сам попал под хлор в пятнадцатом под Варшавой, выжил чудом, лёгкие с тех пор были ни к чёрту. Знал, что такое артподготовка — сам лежал под немецкими «чемоданами» в Карпатах. Знал, что такое рукопашная — сам ходил в штыковую в шестнадцатом.

И теперь, спустя двадцать с лишним лет, он снова стоял перед боем. Только теперь у него было не четыре полевые трёхдоймовки, а четыре орудия, способные отправить на дно линкор.

В пять утра 5 сентября, когда прожекторы осветили «Daring», Багратион-Мухранский лично корректировал огонь. Его батарея дала шесть залпов — три перелёта, два недолёта, одно накрытие. Снаряд пробил палубу эсминца и разорвался в котельном отделении. Это не было смертельным попаданием — эсминец доби́ли подводники, — но это было попадание, которое лишило «Daring» хода.

После боя он спустился в каземат, закурил трубку — единственная роскошь, которую он себе позволял — и сказал своему заместителю: «Ну что, поручик, кажется, началось». «Так точно, ваше сиятельство», — ответил поручик. «Вот и славно. Лучше плохой бой, чем хорошее ожидание».

Батарея «Константин» была готова. Как и батареи «Николай», «Георгий», «Алексей» — по всему периметру Проливов. Бетон и сталь. Огонь и порох. Люди и орудия.

Проливы были заперты.

8. Ночь после боя (видение третье: внутренний монолог Вяземского)

С 5 на 6 сентября 1940 года. Каюта флагмана. Три часа ночи. За бортом — тишина. Британская эскадра отошла на запад. Вяземский сидит за столом. Перед ним — карта, радиogramмы, неотправленное письмо жене. Он не спит уже вторую ночь подряд — но странным образом не чувствует усталости.

О чём думает командующий эскадрой после первого боя?

Не о победе. Победа — это слово для газет. Для реляций. Для историков. Командующий думает о том, что эсминец — это только эсминец. Разведка. Проба. Британцы проверяли нашу оборону — и теперь знают её сильные и слабые стороны.

Командующий думает о том, что у Каннингема три линкора, а у него — два. Что у Каннингема два авианосца, а у него — ни одного. Что британские лётчики имеют боевой опыт, а его лётчики — нет.

Командующий думает о том, что Япония приведёт в движение свой флот. Что Турция введёт войска в Закавказье. Что Франция перережет коммуникации в Леванте. Что каждое из этих событий по отдельности — неприятно, а вместе — катастрофа.

Командующий думает о том, что его отец строил заводы, чтобы этого не случилось. Но это случилось.

Командующий думает о том, что он, Сергей Иванович Вяземский-младший, может войти в историю как адмирал, который удержал Проливы. Или как адмирал, который их потерял. Третьего не дано.

Он берёт перо. Пишет на полях карты — для себя, не для рапорта:

«Проливы. Восемьдесят миль воды между Европой и Азией. Двадцать тысяч лет назад здесь был перешеек. Потом море прорвалось. И с тех пор каждый, кто контролирует эту воду, контролирует полмира.

Троя стояла здесь. Персы стояли. Александр. Рим. Византия. Османы. Теперь — мы.

Каждая империя, которая владела Проливами, считала, что будет владеть ими вечно. Каждая ошибалась.

Но если мы удержим их сейчас — значит, мы заслужили право на ошибку.»

9. Ультиматум

7 сентября 1940 года. 10:00 по Гринвичу. Посольство Швеции в Санкт-Петербурге.

Шведский посланник барон Аксель фон Розен был старым дипломатом. Он служил в Петербурге с 1923 года, пережил четыре смены кабинетов, три международных кризиса и один дворцовый скандал. Он знал русских — насколько иностранец вообще может знать русских. И сейчас, получив из Лондона депешу с грифом «Крайне срочно», он понял: дело плохо.

В депеше содержался текст ультиматума. Британское правительство требовало от Российской Империи:

1. Немедленно вывести военный флот из зоны Проливов.
2. Согласиться на интернационализацию зоны под мандатом Лиги Наций.
3. Допустить международных наблюдателей в береговые укрепления.
4. Срок ответа — 48 часов.

Фон Розен вздохнул. Он знал, каким будет ответ. Но дипломатический протокол требовал передать ноту.

В 14:00 он был принят министром иностранных дел Российской Империи князем Горчаковым-младшим (внуком того самого Горчакова — дипломатические династии в России были так же прочны, как армейские). Князь прочитал ноту, поджал губы и сказал: «Барон, ответ будет через час. Прошу подождать».

Ответ пришёл через пятьдесят шесть минут. Не через министерство — через Императорскую канцелярию. Личная телеграмма Государя.

Фон Розен прочитал. Перечитал. Побледнел.

«Проливы взяты русской кровью. Мы их не отдадим. Передайте в Лондон: тот, кто хочет взять Проливы, — пусть попробует. Николай».

Десять минут спустя текст телеграммы был передан в штаб Средиземноморской эскадры. Вяземский прочитал его на мостике, стоя, при всём экипаже.

— Сорок восемь часов истекают завтра в полдень, — сказал он. — Передайте на корабли: боевая готовность номер один.

Он знал, что это значит. Британцы не начнут ровно в полдень — они не настолько предсказуемы. Атака может начаться раньше. Или позже. Возможно — ночью. Возможно — на рассвете. Но в любом случае счёт пошёл на часы.

И ещё он знал: где-то там, за горизонтом, адмирал Каннингем прочитал тот же текст. И сейчас, в эту самую минуту, принимает решения. Которые изменят всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.